

УДК 902(5-191.2)(08)

ББК 63.48(54)я43

Д73

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *А.А. Тишкин* (отв. ред.);

доктор исторических наук *В.В. Горбунов*;

кандидат исторических наук *А.Н. Мухарева*;

кандидат исторических наук *Ч. Мунхбаяр*;

кандидат исторических наук *Н.Н. Серегин*;

кандидат исторических наук *Д. Эрдэнэбаатар*

Д 73 Древние и средневековые изваяния Центральной Азии : сб. ст. /
отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. - 144 с.: ил.
(Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4).

ISBN 978-5-7904-1681-1

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов, вошедших в программу конференции с одноименным названием (Барнаул, 26–28 августа 2014 г.). В публикациях представлена следующая тематика: «Каменные изваяния эпохи бронзы: проблемы выявления и определения их роли в обрядах»; «Оленные» камни: история открытий и результаты современных исследований»; «Средневековая скульптура как источник для реконструкции различных сторон жизнедеятельности кочевых социумов»; «Способы копирования и методика изучения древних и средневековых изваяний»; «Изображения на изваяниях и их аналогии в наскальном искусстве и материальной культуре». В сборник также вошли сообщения для полевого семинара «Оленные камни Монгольского Алтая: итоги и перспективы изучения» (Монголия, 12–16 августа 2014 г., Ховдский государственный университет).

Издание предназначено как для специалистов (археологов, музеологов, культурологов, историков, искусствоведов), так и для всех интересующихся указанной тематикой.

УДК 902(5-191.2)(08)

ББК 63.48(54)я43

*Издание подготовлено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии
(проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение
археологических памятников Монгольского Алтая»)*

ISBN 978-5-7904-1681-1

© Оформление. Изд-во Алтайского университета, 2014

А.А. Ковалев, И.В. Рукавишникова,
Д. Эрдэнэбаатар

Институт археологии РАН, Москва, Россия;
Монгольский государственный университет,
Улаанбаатар, Монголия

ОЛЕННЫЕ КАМНИ - ЭТО ПАМЯТНИКИ-КЕНОТАФЫ (по материалам новейших исследований в Монголии и Тыве)

Исследование первоначального положения оленных камней в контексте ритуального (погребально-ритуального) комплекса представляется необходимым условием для разрешения вопроса о назначении этих антропоморфных стел. Результаты археологических изысканий последних лет в центрально-азиатском регионе дают возможность надежного обоснования гипотезы о том, что оленные камни создавались и использовались для замещения погребения реального человека, в качестве памятников-кенотафов, многообразие которых отражено в специальной статье А.А. Тишкина и С.П. Грушина [1997].

Международной Центральноазиатской археологической экспедицией под руководством авторов настоящей статьи были предприняты масштабные исследования двух ритуальных комплексов с оленными камнями в Бурэнтогтох сомоне Хубсугульского аймака Монголии, западнее города Мурэна: Суртийн дэнж (2006 г.) и Ушкийн увэр (2013 г.).

Комплекс Суртийн дэнж открыт в 2006 г. А.А. Ковалевым. Объект был практически полностью занесен лессовыми отложениями эолового происхождения. Раскопками вскрыта вся площадь ритуального комплекса (раскоп 45×22 м); краткая информация о результатах исследований уже публиковалась [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 103; 2010, с. 109, рис. 4, 5]. Основу комплекса составлял ряд из семи оленных камней (номера 1-6, 8), размещенных по одной слабовыпуклой дуге (или двум почти слившимся дугам) с юга-юго-запада на восток-северо-восток (рис. 1). Основания камней №1-3 сохранились *«in situ»* вкопанными в материк, также удалось зачистить ямы для установки остальных оленных камней из этого ряда. Более поздний оленный камень №7, фрагменты которого были обнаружены на современной дневной поверхности, был, вероятно, установлен приблизительно в том же ряду: камни, служившие предполагаемой его забутовкой, перекрывали нижнюю часть упавшего оленного камня №6. С востока, вдоль ряда установленных оленных камней, также по слабовыпуклой дуге сооружены девять каменных колец диаметром в среднем около 3 м из одного-трех слоев камня, перекрытые небольшими округлыми каменными насыпями (в северном кольце, на уровне древнего горизонта, зачищена нижняя челюсть лошади, уложенная в направлении на восток). Еще четыре таких же каменных кольца с насыпями составляли дугу с запада от оленных камней. Между кольцами западной дуги в центре комплекса на древней дневной поверхности находилась подовальная каменная наброска в 1-2 слоя размерами в плане около 4×3 м, вытянутая строго по центральной оси восточной дуги. С западной, северной и южной сторон комплекс ограничивался эллиптической дугой из не менее чем 18 каменных колечек (диаметром в среднем около одного метра).

В 2013 г. Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция провела масштабные раскопки на комплексе погребальных и поминальных сооружений Ушкийн увэр (рис. 2).

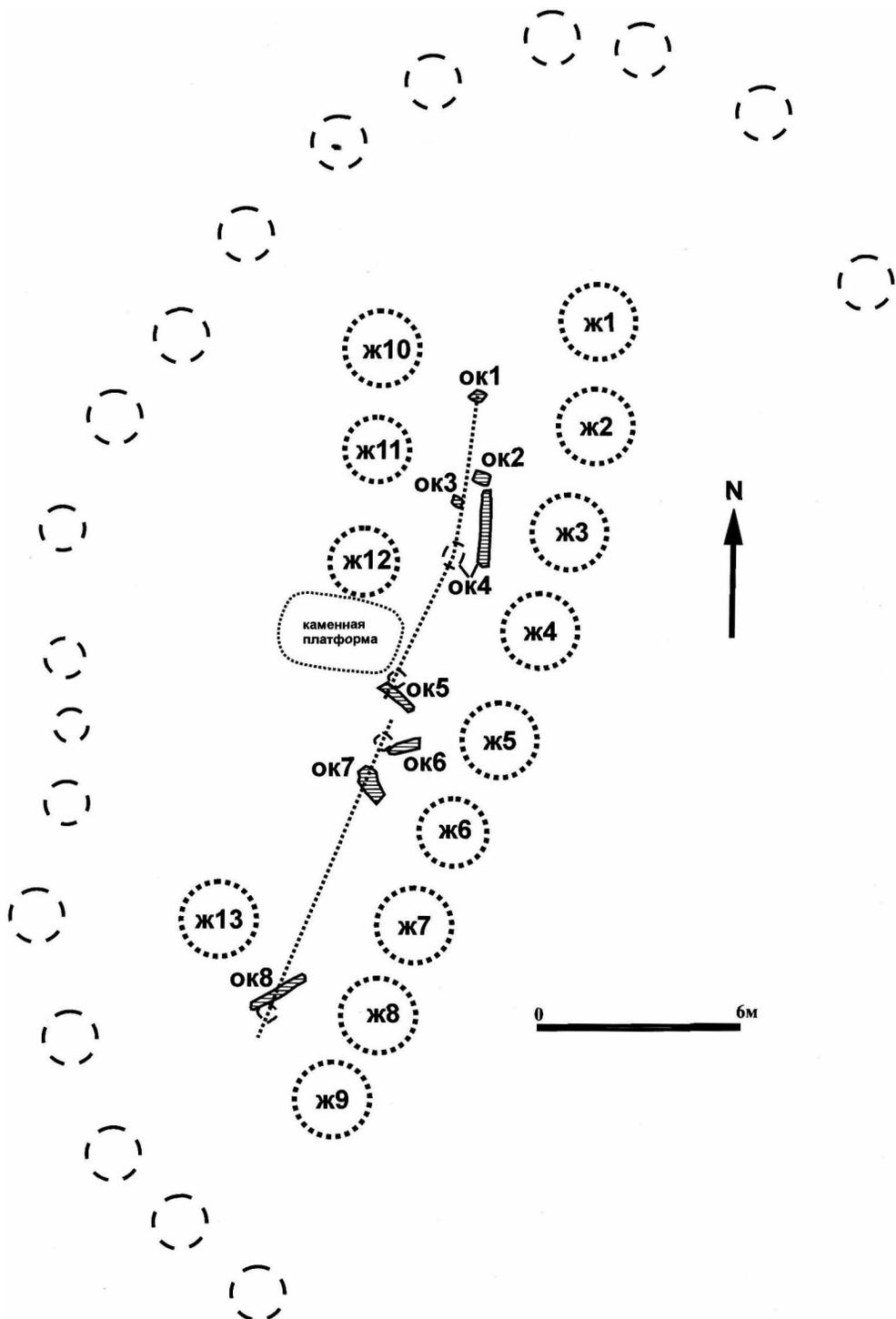

Рис. 1. Комплекс Суртийн дэнж. План-схема. ОК - оленные камни, Ж - жертвенники

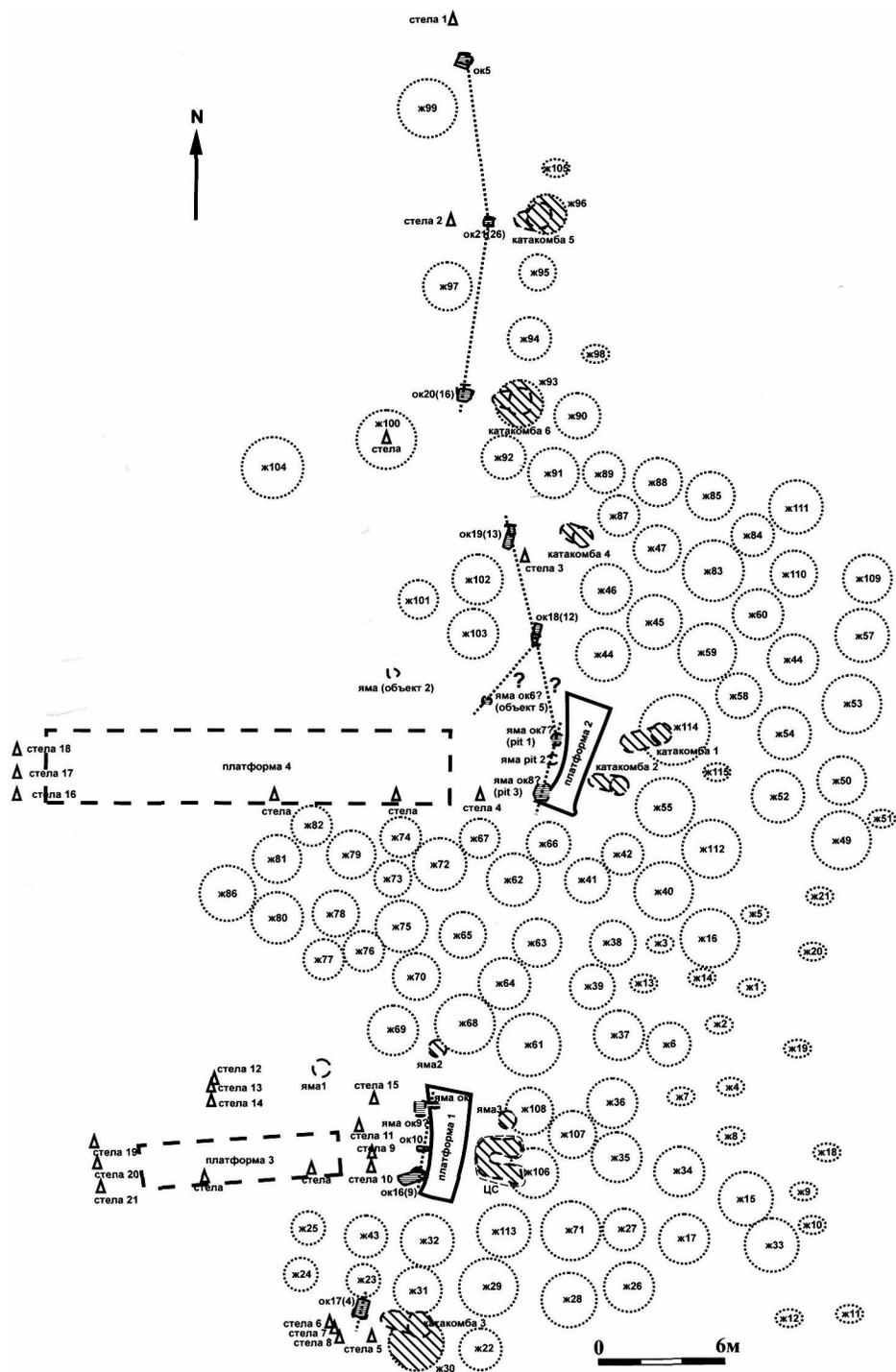

Рис. 2. Комплекс Ушкийн увэр (исследованная часть).
План-схема. ОК - оленные камни, Ж - жертвенники

Этот памятник является одним из наиболее известных в литературе. В 1970 г. он был осмотрен отрядом Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции под руководством В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой. Выполненные в ходе разведки план комплекса и рисунки оленных камней впервые опубликованы в 1975 г. [Волков, Новгородова, 1975]. Они и стали началом нового этапа исследований оленных камней как феномена культуры евразийских номадов. На основании сходства изображенных на изваяниях Ушкийн увэра предметов вооружения с оружием так называемых карасукских типов Э.А. Новгородова и В.В. Волков выдвинули предположение об отнесении наиболее ранних оленных камней к концу эпохи бронзы [Новгородова, 1973; Волков, Новгородова, 1975, с. 84; Волков, 1981, с. 111; Новгородова, 1989, с. 182-183, 211-212]. Опубликованный в 1975 г. план комплекса, на котором оленные камни изображены установленными в ряд, идущий к югу (начиная от кургана-«херексура»), послужил одним из аргументов для отнесения оленных камней и «херексуров» к одной культурной общности [Худяков, 1987, с. 156-158; Новгородова, 1989, с. 202].

В 1999-2006 гг. на памятнике проводились исследования японско-монгольской экспедиции под руководством Шу Такахама, Хаяши Тошио и Д. Эрдэнэбаатара [Takahama et al., 2006]*. Экспедиция сняла детальный топографический план комплекса, провела раскопки одного из крупных херексуров с севера от местонахождения оленных камней (херексур Kh-1), одного кургана с кольцевой оградой, расположенного к востоку от изваяний (Kh-12), а также ряда иных погребальных и ритуальных сооружений. В том числе были предприняты тщательные раскопки части каменных конструкций на небольшой площади в районе оленных камней №4 и 7 (здесь и далее известные на 2013 г. оленные камни №1-15 даны по нумерации В.В. Волкова и Э.А. Новгородовой). Обнаружение стелы с признаками оленных камней («серьга», скошенная верхняя грань) в поле насыпи херексура подкрепляет, на взгляд авторов, предположение о синхронности таких сооружений с оленными камнями [Takahama et al., 2006, с. 77]. Кроме того, были получены четыре радиоуглеродных датировки по костям животных из исследованных ритуальных сооружений, сопровождавших херексур и оленные камни. Все они (после калибровки) укладываются в период XIII-IX вв. до н.э. [Takahama, 2010, с. 127].

Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция под руководством А.А. Ковалева, Д. Эрдэнэбаатара и И.В. Рукавишниковой начала работы на памятнике в 2013 г., через семь лет после завершения работ японско-монгольского коллектива. Перед экспедицией была поставлена задача раскопок широкими площадями для выявления особенностей пространственной организации ритуального места, прояснении вопроса о последовательности сооружения конструкций. В ходе работ была исследована центральная часть так называемого западного ряда оленных камней (в районе сохранившихся *in situ* оленных камней №5 и 10). Раскоп был устроен таким образом, чтобы охватить абсолютно все сооружения в районе этих оленных камней, а не только каменные конструкции в месте их концентрации. Наибольшая ширина раскопа с севера на юг составила 75 м, с запада на восток - 55 м. Грунт (гумусированные лессовые отложения) по всей площади снимался до уровня щебнистого предматерика, что должно было гарантировать выявление созданных человеком структур и объектов на всех этапах развития комплекса.

* Японские археологи дали памятнику название Улаан уушиг I по наименованию близлежащей горы, однако мы считаем более корректным использовать первоначальное название Ушкийн увэр, данное В.В. Волковым и Э.А. Новгородовой и прочно укоренившееся в российской и мировой литературе.

В ходе работ были впервые зафиксированы и исследованы сооружения, относящиеся либо к наиболее ранней стадии существования комплекса, либо к начальным стадиям формирования отдельных его частей: шесть катакомб, забитых камнями, а также ритуальная U-образная в плане яма с вкопанными в ее дно стелами.

На следующем этапе развития комплекса в его центральной части были устроены **два единых по композиции ансамбля сооружений с оленными камнями**, основу которых составляли каменные платформы: в каждый из ансамблей входила изящно изогнутая платформа, ориентированная длинной осью по линии юг-юго-запад - север-северо-восток (платформы №1 и 2) и сопровождаемая с запада прямоугольной платформой (платформы №3 и 4), вытянутой в широтном направлении, на оконечности которой стояли три стелы. Еще несколько стел было установлено на площадках между платформами.

Каждый ансамбль дополнен рядом оленных камней, устанавливавшихся по западному краю изогнутых платформ №1 и 2.

Ряд №1 (ансамбль №1). В западный край платформы №1 был вкопан находящийся ныне «*in situ*» оленный камень №10, а также впервые обнаруженный нами оленный камень №16 (один из его фрагментов (№9 по полевой нумерации) обнаружен перевернутым в яме для его установки). С севера от оленного камня №10 западный край платформы №1 прорезала подпрямоугольная в плане яма, видимо, для установки еще одного уплощенного оленного камня. Рядом с ней выявлена еще одна подквадратная яма, судя по пропорциям, предназначенная для установки поваленного в древности оленного камня №9.

Ряд №2 (ансамбль №2). Вдоль западного края изогнутой платформы №2 японскими исследователями были прослежены три ямы, одна из которых прорезала угол платформы [Takahama et al., 2006, Pl. 11]. Эти структуры грубо нарушены в 1980-1990-х гг. при варварской попытке вкопать фрагмент оленного камня №7, однако результаты полевых исследований 2005 и 2006 гг. позволяют, на наш взгляд, предположить, что две из ям (pit1 и pit3 по нумерации японско-монгольской экспедиции) предназначались для установки, соответственно, оленных камней №7 и 8, располагавшихся, судя по плану 1970 г., именно в данном месте.

Севернее этих двух ансамблей ритуальных сооружений были прослежены еще два (?) ряда оленных камней, располагавшихся, как и в Суртийн дэнж, по слабоизогнутым дугам, протянутым с юга на север.

Ряд №3. В эту дугу входили поваленный в древности оленный камень №6 (зачищена яма, предназначенная, видимо, для его установки), а также вновь обнаруженные фрагментированные оленные камни №18 и 19. В случае, если оленный камень №6 стоял восточнее, то линия, по которой устанавливались вместе с ним оленные камни №18 и 19, была как бы продолжением дуги, образованной западной стенкой платформы №2 и, соответственно, ряда оленных камней №2, в которые входили камни №7 и 8.

Ряд №4. В следующую дугу входят стоящий оленный камень №5, а также найденные «*in situ*» фрагментированные оленные камни №20 и 21.

С юга от платформы №1 нами был также открыт отдельно стоящий оленный камень №17 (фрагмент №4 «*in situ*»), установленный со смещением к западу от линии ряда №1.

С востока, юга и севера ансамбли №1 и 2 были дополнены более чем сотней «жертвенников», основу которых составляли неглубокие земляные ямы с захороненными частями лошадиных скелетов. Как правило (хотя не все жертвенники имеют столь

полный набор), на дне ямы захоранивались четыре копыта и верхнее ребро, сверху на них укладывались кости черепа и шейный отдел позвоночного столба. Копыта и кости черепа укладывались направленными в восточный сектор. Этот вид захоронения, многократно зафиксированный при раскопках сооружений, сопровождающих оленные камни и херексуры, видимо, связан с обрядом, дожившим до наших дней у монголов: именно такой набор костей остается после сгнивания конской шкуры, выставляемой в ритуальных целях. Ямки с захоронениями костей заполнялись мешаным грунтом, затем вокруг большинства из них сооружалось каменное кольцо из 1-3 слоев камней, засыпанное каменными обломками различных размеров. Такая последовательность установлена на основании того, что многие ямы перекрыты камнями, образующими кольцо. По мере отдаления от центра ансамблей качество этих каменных сооружений ухудшается, в ряде случаев кольцо только «намечено» укладкой отдельных глыб, по восточной окраине комплекса располагались жертвенники вовсе без каменных сооружений.

При тщательном полевом исследовании нами не было встречено ни одного случая перекрытия одним жертвенником другого. Все эти сооружения строились с учетом уже имеющихся. Жертвенники не перекрывают и не нарушают также каменные платформы и ряды оленных камней №1-4, что говорит о единстве замысла всего комплекса на этом этапе. При этом провести точную границу между жертвенниками, входящими в каждый из ансамблей №1 и 2 или сопровождающими ряды оленных камней №3 и 4, не представляется возможным, хотя некоторые наблюдения могут указывать на определенное членение этого массива. Так, жертвенники с лошадиными костями, «огибающие» с севера ансамбль №2, не заходят на линию размещения оленных камней ряда №3, оставляя полосу шириной около 4 м, однако при этом три жертвенника (№101-103) устроены с запада от ряда оленных камней №3.

Ряд (или два ряда?) жертвенников с лошадиными костями расположен также с востока от ряда №4 оленных камней, наподобие каменным кольцам с насыпями, зафиксированным на комплексе Суртийн дэнж [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 109, рис. 4-5]. С запада от этого ряда №4 оленных камней также обнаружены каменные кольца со следами иной ритуальной деятельности (ямы, кальцинированные кости и древесный уголь на горизонте) (жертвенники №97, 99, 100, 104). Эти последние можно уподобить каменным колечкам, окружавшим оленные камни Суртийн дэнж с запада.

Система расположения ритуальных конструкций, зафиксированная в Ушкийн увэре, прослеживается и в ритуальном комплексе с оленными камнями Жаргалантын ам (Жаргалант) в Архангайском аймаке (рис. 3). Снятый монгольско-американской экспедицией план видимых на поверхности конструкций [Тербат et al., 2011, рис. 29], как и схематический рисунок В.В. Волкова [2002, табл. 21], показывают наличие там двух прямоугольных платформ, вытянутых в широтном направлении, каждая из которых с востока, севера и юга была окружена сотнями каменных курганчиков-жертвенников, с внешней же стороны все эти сооружения окружены кольцом из сотен каменных колечек. Восточнее южной платформы, на не заполненном жертвенниками пространстве, В.В. Волковым на плане был зафиксирован лежавший оленный камень (№3), еще один оленный камень (№2) валялся среди жертвенников несколько южнее. Советско-монгольской экспедицией были проведены раскопки восьми каменных «курганчиков», в одном из них была найдена нижняя челюсть лошади, а в семи - «...по одному черепу лошади», в двух случаях - вместе с шейными позвонками [Волков, 2002, с. 45, 100].

Рассмотрение результатов исследований на исследованных комплексах Суртийн дэнж и Ушкийн увэр, как и плана, снятого на комплексе Жаргалантын ам, приводит

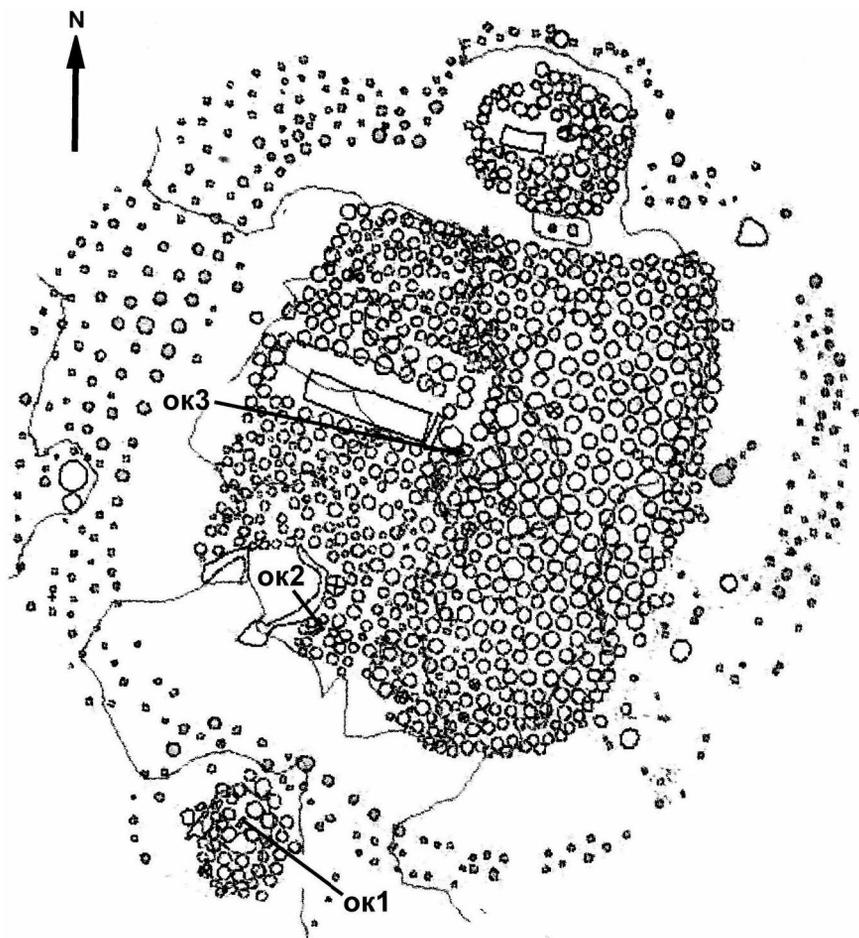

Рис. 3. Комплекс Жаргалант. План-схема (по: [Тербат et al, 2011])

к выводу о том, что в Центральной Монголии ряды оленных камней занимали центральное место в композиции планомерно формировавшихся ансамблей ритуальных сооружений. В состав этих ансамблей во всех случаях входят «жертвенники» с конструкциями в форме каменного кольца, перекрытого насыпью, окружающие ряды оленных камней по дуге с восточной стороны. С западной стороны ряды оленных камней сопровождаются либо каменными кольцами (Суртийн дэнж, ряд №4 оленных камней в Ушкийн увэре), либо прямоугольными платформами, вытянутыми в широтном направлении (ансамбли №1 и 2 в Ушкийн увэре), либо и тем, и другим (Жаргалантын ам).

Нетрудно заметить, что те же самые элементы входят в композицию наиболее крупных центральномонгольских курганов-херексуров и сопровождающих их сооружений. Единственный полностью раскопанный погребальный памятник такого рода - херексур Kh-1 в Ушкийн увэре с четырехугольной оградой 30×26 м - с восточной стороны окружен двумя дугами из 21 жертвенника с захоронениями костей лошади в каменных кольцах с насыпями [Takahama et al., 2006, с. 63-67, Pl. 3].

В последнее десятилетие археологическими экспедициями в Центральной Монголии были сняты более-менее точные планы нескольких подобных херексурсов еще большего размера. Все они имеют однотипный набор сопроводительных сооружений, куда входят округлые «жертвенники» с восточной стороны, каменные кольца с западной стороны и вытянутые в широтном направлении прямоугольные платформы с тремя стенами на оконечности.

Расположенный в комплексе Ушкийн увэр между вышеописанным херексуром Kh-1 и оленными камнями херексур Kh-4 (с оградой шириной около 80 м) с восточной, северной и южной сторон окружен несколькими десятками «жертвенников» с каменными насыпями, вдоль северной стенки ограды выложена прямоугольная каменная платформа (или две параллельных?), с западной оконечности которой установлены три стелы [Takahama et al., 2006, Pl. 2; наблюдения авторов] (рис. 4.-2).

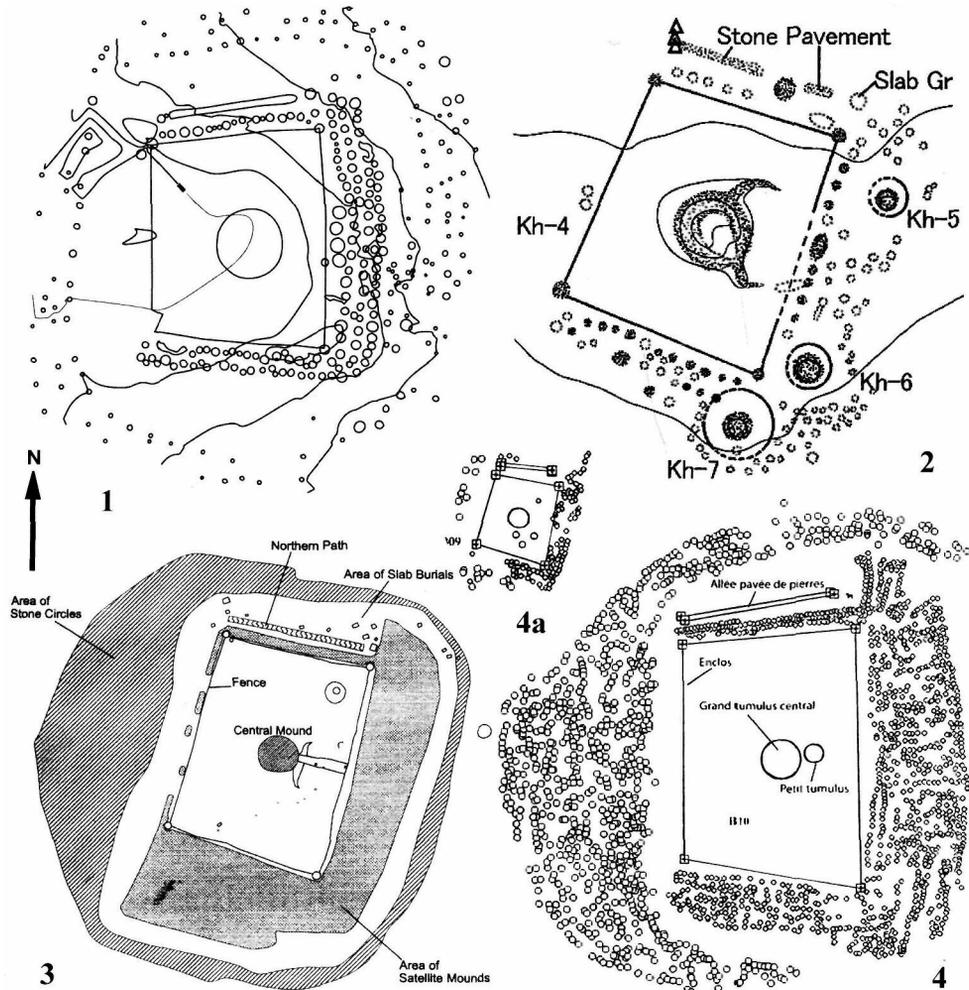

Рис. 4. Планы-схемы херексурсов Центральной Монголии (источники - в тексте статьи; масштаб различный): 1 - Жаргалантын ам; 2 - Улаан уушиг I Kh-4; 3 - Урт булагын; 4, 4a - Цацын эрэг B10, B09

Херексур с оградой 73×58 м, расположенный с запада от упомянутого выше ритуального комплекса оленных камней Жаргалантын ам, с востока, севера и юга окружают около 160 каменных курганчиков, за ними с севера вдоль стенки ограды простирается прямоугольная платформа; все эти сооружения, в свою очередь, окружены 175 каменными колечками [Тербат et al., 2011, с. 53-54] (рис. 4.-1).

Гигантский херексур с оградой шириной около 200 м Урт булагын (Архангайский аймак) с восточной, северной и южной сторон окружен более чем 1700 каменными курганчиками-жертвенниками с захоронениями лошадиных костей (раскопаны два сооружения), а с западной стороны и по внешнему контуру со всех остальных сторон - более чем 1000 каменных колечек с кальцинированными костями (раскопаны пять колец с остатками сожжений), вдоль северной стенки ограды зафиксирована прямоугольная платформа со стелами [Allard, Erdenebaatar, 2005, с. 547-551; Erdenebaatar, 2007, с. 201-203] (рис. 4.-3). Херексуры Куг 2, 20, 42, 61, 69, планы которых сняты Ф. Оллардом и Д. Эрдэнэбаатаром в долине р. Хануй неподалеку от Урт булагын, имеют ту же планиграфию: дуга из жертвенников с насыпями с востока, юга и севера, а с запада или по всем сторонам по внешнему контуру - ряды каменных колечек; в двух случаях (Куг 69, Куг 20) вдоль северной стенки ограды устроена прямоугольная платформа [Allard, Erdenebaatar, 2005, с. 554-555, Fig. 5] (рис. 5).

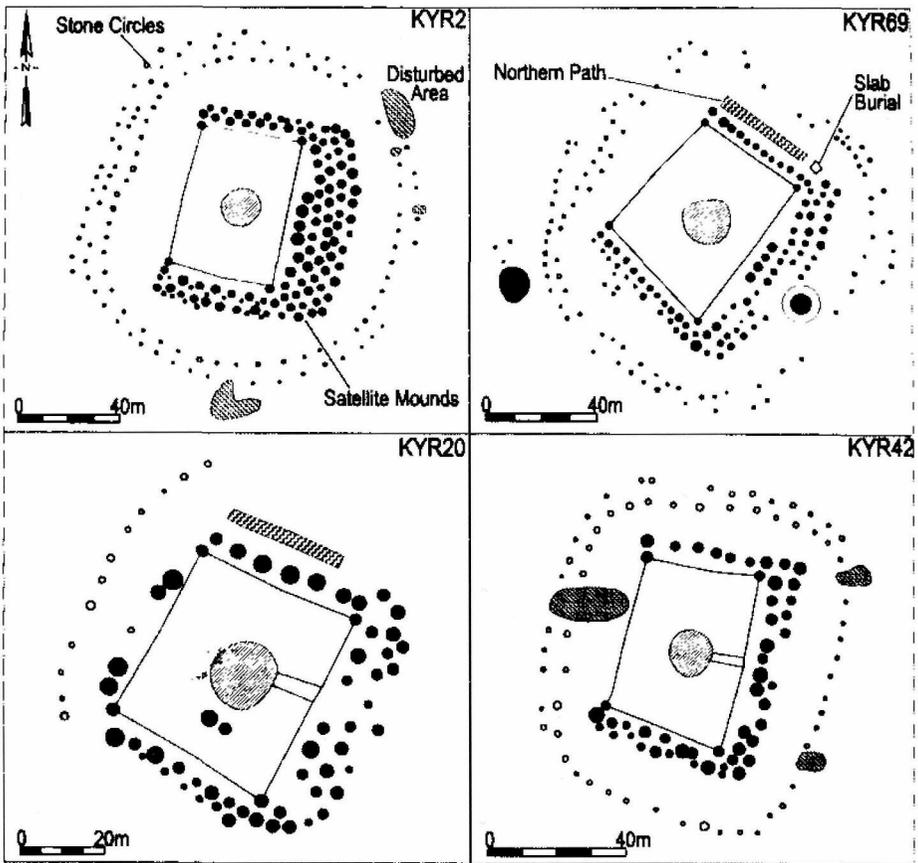

Рис. 5. Планы-схемы херексуров долины реки Хануй (по: [Allard, Erdenebaatar, 2005])

Херексур с оградой шириной также около 200 м Цацын эрэг В10 (Архангайский аймак) с восточной, южной и северной сторон окружен «...более чем 1110 каменными насыпями диаметром 2 м», с севера вдоль этих насыпей простирается прямоугольная платформа со стелами на обоих окончаниях, а вокруг этих сооружений с запада, севера и юга по эллипсоидной дуге размещены «...831 кольцо из восьми камней каждое диаметром по 1,5 м»; при раскопках двух каменных колец обнаружены кальцинированные кости крупного рогатого скота [Magail, 2007, с. 115-116] (рис. 4.-4). Такую же структуру имел и соседний херексур меньшего размера В09 (см. рис. 4.-4а).

Единство композиции исследованных нами ритуальных мест с оленними камнями и сооружений в ансамблях погребальных курганов-херексуров подтверждает предположение, высказанное А.А. Ковалевым в 2007 г., о *замещении* оленними камнями реального погребального сооружения - кургана с могилой [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 104]. Таким образом, можно утверждать, что *в Центральной Монголии оленные камни использовались в качестве кенотафов* - памятников, изображающих реальных людей, по каким-то причинам не погребенных в курганах-херексурах.

Высказанное в той же статье А.А. Ковалевым предположение об отнесении центральномонгольских оленных камней к более позднему периоду, чем соседствующие с ними курганы-херексуры, не находит пока подтверждения в данных стратиграфии и абсолютного датирования. Как выяснилось, перекрытая ямами для установки оленных камней каменная выкладка, открытая японско-монгольской экспедицией в 2005-2006 гг. на комплексе Ушкийн увэр, была принята А.А. Ковалевым за прямоугольную платформу типа сопровождающих херексуры ошибочно [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 104]. Масштабное исследование комплекса привело к заключению, что это была «изогнутая» платформа (см. выше, платформа №2), входящая в ансамбль ритуальных сооружений №2. Так что можно предполагать сосуществование погребальных курганов-херексуров и оленных камней, символизирующих умерших людей, не погребенных в этих курганах.

Можно ли утверждать, что оленные камни играли роль кенотафов и в других культурах Евразии?

Оленные камни Западной Монголии, в отличие от центральномонгольских, не устанавливались на специальных «святилищах», а связаны *только* с курганами-херексурами, имеющими кольцевую ограду, соединенную с центральной насыпью каменными дорожками-«лучами» (наподобие колеса со спицами в плане). Этот вывод А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар впервые сделали в статье 2007 г. на основании полевых наблюдений в Ховд и Баян-Ульги аймаках, в китайской части Монгольского Алтая, а также результатов полноценных раскопок херексура Хар говь в Мунххайрхан сомоне Ховд аймака [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 100-102]. Нахождение оленных камней в Западной Монголии в иных контекстах может быть связано либо с их переиспользованием, либо с проникновением центральномонгольской традиции их установки. Новые данные, полученные экспедициями Алтайского университета и Ховдского университета в Ховд аймаке, подтверждают этот вывод: на памятнике Баян булаг-1 три оленных камня обнаружены у насыпи херексура «с лучами-спицами» №2, на насыпи соседнего херексура №3 лежали еще четыре оленных камня, один оленный камень находился к востоку от ограды №10 памятника того же типа Улаан худаг-1, еще один найден на насыпи херексура с «лучами-спицами» в Хошоотийн зааг [Тишкин, 2013]. Опубликованы и уточненные данные по расположению оленных камней в комплексах у озера Шибар-куль (Хуахайцзы) в китайской части Монгольского Алтая (Хуахайцзы,

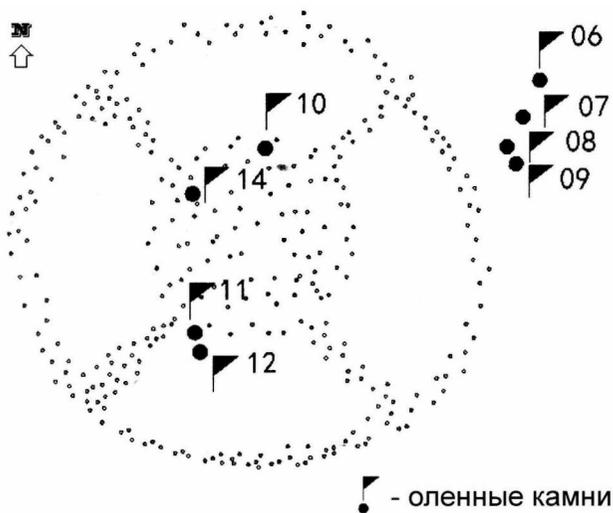

Рис. 6. Херексур Хуахайцзы №2. Схемарасположения оленных камней (по: [Чжуншань дасюэ лиши..., 2011])

насыпи либо с восточной стороны от ограды «с лучами-спицами». Однако херексуры, скорее всего, служили для погребения одного-двух человек, не более. Наши раскопки кургана-херексура «с лучами-спицами» в Хар говь показали, что в погребальной камере был захоронен один человек, а оленных камней в древности на насыпи кургана стояло минимум три, к востоку - еще два [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 100; 2010, с. 108, рис. 2]. На территории Тувы в аналогичном херексуре Улуг-Хорум было обнаружено захоронение одного человека, а в херексуре Ов-60-3 - отдельные кости «от 2-3 человек» [Грач, 1980, с. 120-121; ср.: Чугунов, 2007, с. 110]. Так как многочисленные оленные камни, связанные с каждым из западномонгольских херексуров, не могут все вместе символизировать одного-двух погребенных, они являются памятниками кому-то другому. Поэтому, по аналогии с центрально-монгольскими оленными камнями, и здесь нужно предполагать, что оленные камни выполняли роль *замещения* реального умершего человека, не погребенного в кургане, но каким-то образом связанного с ним (реалистичность и индивидуальность изображенных на оленных камнях наборов инвентаря и вооружения свидетельствует в пользу того, что оленные камни изображали реальных лиц, а не «первопредков» или каких-то иных мифических персонажей).

Новые свидетельства использования оленных камней в качестве кенотафов дают исследования алды-бельских памятников Тувы. Там, судя по всему, производилось намеренное захоронение этих изваяний в курганах.

В 2012 г. И.В. Рукавишниковой в Центральной Туве, на правобережье Енисея, были проведены исследования кургана Бай-Даг-8-1, относящегося к алды-бельской культуре «раннескифского» времени, вероятно, к концу VII - началу VI в. до н.э. [Рукавишниковая, 2013]. Основу кургана составляли три округлые ограды из вертикально установленных каменных плит, в пределах которых осуществлялись захоронения. Как выяснилось в ходе полевого исследования, первой была построена южная ограда №1, затем к ней пристроена с севера центральная ограда №2, к которой, в свою очередь, с севера была пристроена ограда №3. В оградах №1 и 3 было зафиксировано наличие оформленных входов с западной стороны (ограда №2 с запада была сильно повреж-

херексуры №1 и 2): с насыпью крупнейшего из херексуров с «лучами-спицами» №1 связаны четыре оленных камня, к юго-востоку от ограды лежал еще один; на насыпи херексура №2 располагались четыре оленных камня, с восточной стороны от ограды обнаружены еще четыре [Чжуншань дасюэ лиши..., 2011, с. 31-40, рис. 22, 24] (рис. 6).

Как показывают наши наблюдения, а также данные иных экспедиций, в Западной Монголии с одним курганом-херексуром связано, как правило, несколько оленных камней, устанавливавшихся на

дена). На территории всех оград на древней дневной поверхности прослежены следы ритуальной деятельности. Кроме одного, все погребения в каменных ящиках и колодах (четыре - в ограде №1, четыре - в ограде №2 и пять - в ограде №3) были впущены с уровня древнего горизонта до устройства насыпи. Таким образом, ограды долгое время функционировали как открытые площадки для захоронений и закладывались плитняком только лишь на финальном этапе.

В связи с зафиксированными наблюдениями чрезвычайно важной представляется находка на площади ограды №2 двух оленных камней, уложенных на древнюю дневную поверхность (рис. 7). Первый лежал, примыкая изнутри к северным плитам ограды, «верхней» частью на восток, лицевой стороной вниз. Второй был уложен в северо-западном секторе, с юга от него была устроена могила подростка в каменном ящике (погребение №11). Изваяние оказалось уложено на правую сторону, «верх» его направлен на восток. Показательно, что олений камень №2 был перекрыт выкидами из двух могил: сначала из ямы погребения №11, а затем - из ямы центрального для этой ограды мужского погребения №3 - единственного там погребения взрослого мужчины. Полевые наблюдения показывают, что эти выкиды легли так, что оставили олений камень открытым сверху, то есть с его истинной «левой» стороны, закрывая только его боковую (то есть «тыльную») грань.

В связи с изложенным можно утверждать, что, по крайней мере, олений камень №2 был специально уложен на площадку, образованную оградой №2, в качестве элемента ритуала задолго до сооружения насыпи и до устройства могил. Он не был ранее вкопан там вертикально и тем более не может считаться упавшим. Осмысленность укладки оленного камня №1 косвенно подтверждается его горизонтальным положением на древней дневной поверхности и ориентацией в широтном направлении.

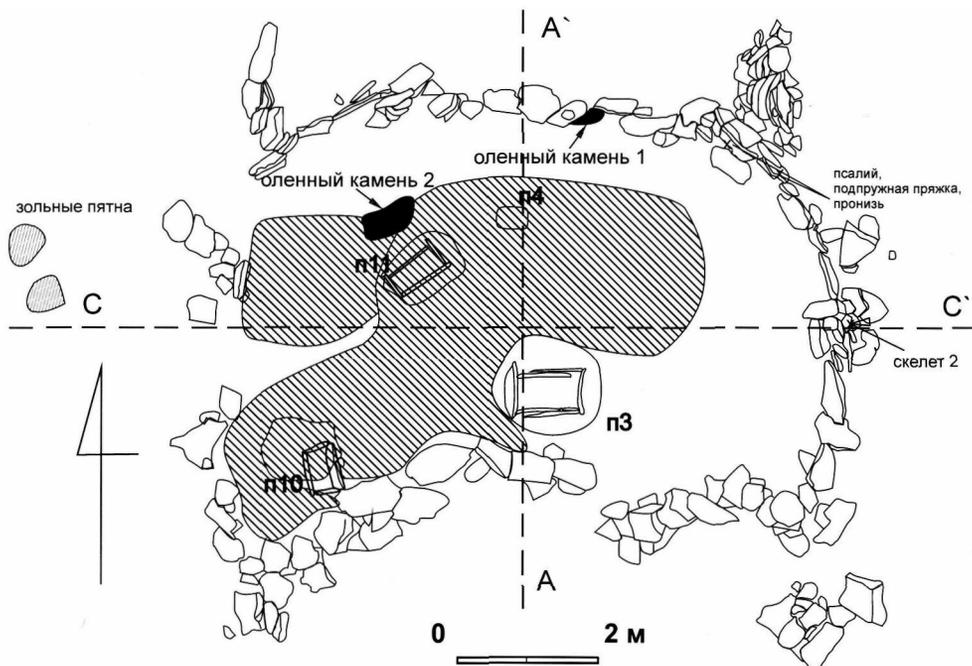

Рис. 7. Ограда 2 кургана Бай-Даг 8 (после снятия каменного панциря)

Поскольку оленные камни №1 и 2 из кургана Бай-Даг-8-1 не могли служить «надгробными знаками» для устроенных в ограде погребений, то они, скорее всего, были кенотафами, символизировавшими реальных лиц, которых там захоронить не удалось. При сооружении насыпи, «запечатавшей» погребальные площадки, оленные камни были «отправлены в мир иной» вместе с реально погребенными в кургане людьми.

Полевые наблюдения, сделанные при раскопках кургана Бай-Даг-8-1, позволяют по-новому взглянуть на известные находки оленных камней в насыпях тувинских курганов «раннескифского» времени. К сожалению, опубликованы сведения только лишь о случайных находках изваяний при разборке насыпей, поэтому первоначальное положение оленных камней восстановить не представляется возможным. Так, в кургане Аржан был обнаружен «обломок» оленного камня (возможно, это было целое изваяние, разбитое рабочими во время раскопок). Показательно, что камень был найден на рухнувшем перекрытии одной из деревянных камер, под каменным панцирем [Грязнов, 1980, с. 41]. В нижней части насыпи найден и оленный камень 1/01 в кургане Аржан-2; этот камень, как сообщает К.В. Чугунов, «...опирался нижней гранью на древнюю дневную поверхность» [Čugunov et al., 2010, с. 126-127] и «...был заложен камнями при возведении окончательного наземного сооружения» [Чугунов, 2007, с. 111].

В новом свете можно рассмотреть и находки оленных камней в курганах Европы. Целый ряд таких изваяний обнаружен в насыпях курганов либо в заполнении могильных ям. В.С. Ольховский [2000, с. 272] допускал, что они могли изначально располагаться «...внутри погребального сооружения или непосредственно на его перекрытии». Двойная усть-лабинская стела была, судя по имеющемуся полевому чертежу, на глубине около 8 м от вершины насыпи «воткнута» в каменное заполнение новочеркасской могилы «вниз головой». Если признавать такую установку целенаправленной, то половина с позднейшими изображениями таким образом должна была быть закопанной, а с более ранними - выставленной наружу из ямы, но сразу же перекрытой при досыпке насыпи [Ольховский, 1990, с. 114; Ковалев, 2000, с. 160, рис. 11(12)]. Двойная зубовская стела обнаружена в курганной насыпи на глубине почти 1,5 м от ее вершины, причем в горизонтальном (!) положении [Ольховский, 2005, с. 34]. Аргументом в пользу гипотезы о намеренном захоронении европейских оленных камней являются и изваяния-перевертыши на этих стелах, располагающиеся на обоих концах каменного столба: I и II усть-лабинские и I и II зубовские [Ольховский, 2005, с. 32-35, ил. 19-22]. Ничто не подтверждает тезис о том, что «выставление» этих изваяний на обозрение было главной задачей их создателей: главным могло быть само оформление стелы, придание ей традиционной формы. К сожалению, вопрос о возможности ритуального захоронения европейских оленных камней не может быть разрешен в отсутствие данных полноценных исследований таких изваяний в их первоначальном контексте.

Библиографический список

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.
Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
Волков В.В., Новгородова Э.А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 78-84.
Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 61 с.
Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 138-180.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: АзБука, 2007. С. 99-105 (Труды САИПИ. Вып. 3).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 104-117.

Новгородова Э.А. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии // Олон улсын монголч эрдэмтнийн II их хурал. Боть I. Улаанбаатар, 1973. С. 385-388.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.

Ольховский В.С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // Советская археология. 1990. №3. С. 113-123.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 252-276.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.

Рукавишников И.В. Архитектура и последовательность сооружения погребально-поминального комплекса алдыбельской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 217-221.

Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 73-90.

Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: АзБука, 2007. С. 109-113 (Труды САИПИ. Вып. 3).

Худяков Ю.С. Херексурсы и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136-162.

Allard F, Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // Antiquity. Vol. 79, №305. P. 547-563.

Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythezeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Rhilipp von Zabern, 2010 (Archäologie in Eurasien 3).

Erdenebaatar D. Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 201-209.

Magail J. Compte-rendu de la campagne 2007 de la mission archéologique conjointe Monaco-Mongolie // Bulletin de Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco. 2007. №47. P. 115-120.

Takahama Shu. Research of Ulaan uushig I (Uushigiin övör) in Mongolia and newly acquired 14C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20-24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 126-131.

Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushigiin Övör) in Mongolia // Bulletin of Archaeology, the University of Kanazawa. 2006. Vol. 28. P. 61-102.

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хөшөөд. Улаанбаатар, 2011. 192 с.

Чжуншань дасюэ лишэ жэньлэйсюэ яньцзю чжунси, Фуюнь сянь вэньу цзюй, Цинхэ сянь вэньу цзюй (Исследовательский центр истории и антропологии Университета Чжуншань, Бюро культурного наследия уезда Фуюнь, Бюро культурного наследия уезда Цинхэ). Дун Аэртай шань дэ гудай вэньхуа шицунь (Памятники древних культур гор Восточного Алтая) // Синьцзын вэньу. 2011. №1. С. 1-62.